
Эдди Слоан
Рождество
не входит
в мои
обязанности

Эдди Слоан

Рождество не входит в мои обязанности

https://litres.ru/74798518
SelfPub; 2026

Аннотация

В семье Мэгги Уолш есть незыблемая традиция: Рождество устраивает Мэгги. Брат приносит салфетки. Остальные приходят голодными.

В этом году ей сорок один, дочь едет на праздники к отцу, а сил на индейку и двенадцать гостей больше нет. Мэгги пишет в семейный чат: «В этом году я не принимаю гостей». Родные подозревают нервный срыв.

Зато у Мэгги впервые появляется свободный вечер. Она идёт в старый кинотеатр, где знакомится с Джеком, мужчиной с отличным чувством юмора, непростым характером и собственными проблемами.

Теперь в её декабрьском расписании вместо закупки продуктов появились свидания, поцелуи и неожиданно сложный вопрос: можно ли построить отношения, если перестать всё контролировать?

Она собиралась отказаться только от рождественского ужина. Влюбляться в её планы точно не входило.

Содержание

Глава 1. Я больше не отвечаю за Рождество 4
Глава 2. Салфетки и другие семейные обязательства 22
Глава 3. Один билет и два кофе 39
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Эдди Слоан
Рождество не входит в мои обязанности

Глава 1. Я больше не отвечаю за Рождество

В четверг в шесть семнадцать вечера Мэгги Уолш в очередной раз назначили ответственной за Рождество. Причём никто даже не потрудился спросить, согласна ли она. В семейном чате уже обсуждали картошку, индейку и время ужина, будто решение было принято на совете директоров, где Мэгги по неизвестной причине не предоставили права голоса.

Она сидела в машине на парковке супермаркета и ела крекеры из коробки. Утром ей казалось, что вечером она устроит себе нормальный ужин: сыр, виноград, свежий хлеб, может быть, бокал вина. В результате до ужина дожили только крекеры с розмарином, которые она открыла, не выходя из машины. Хлеб остался в магазине, виноград тоже, а желание готовить умерло где-то между третьим рабочим звонком и сообщением о потерянной голове оленя.

У оленя, предназначенного для рождественской композиции в торговом центре, было почти всё: роскошное туловище, крепкий металлический каркас и даже подсветка, меняющая цвет. Не было только головы. Точнее, голова нашлась, но в Огайо, тогда как остальная часть оленя уже стояла посреди Чикаго. Поставщик клялся, что оба ящика отправили одновременно. Мэгги попросила его объяснить, каким образом один из них проделал путь почти без приключений, а второй решил начать самостоятельную жизнь. Поставщик ответа не нашёл.

Последние двенадцать лет Мэгги занималась праздничным оформлением магазинов и общественных пространств. Она могла найти гирлянду нужного оттенка за полчаса, убедить разгневанного заказчика, что опоздание грузовика не означает конец света, и организовать монтаж искусственной ели там, где по плану было всего два свободных метра. Проблема заключалась в том, что дома от неё ждали того же, только бесплатно.

Телефон на соседнем сиденье завибрировал. Мэгги потянулась к нему, надеясь увидеть сообщение от курьера с новостями об олене, но это была мама.

«Мы собираемся у тебя в сочельник или двадцать пятого?»

Не успела Мэгги ответить, как в переписке появился Райан, её младший брат: «Нам с Джесс удобнее двадцать пятого».

«А во сколько будем ужинать?» — спросила Джесс.

«Мэг, сделаешь картошку со сливками? Джесс её обожает», — добавил Райан.

Следом мама напомнила о фасоли с миндалём. «Папа так её любил».

Мэгги перестала жевать.

Папы не стало шесть лет назад. Он умер в марте, и в квартире родителей ещё долго оставался маленький серебристый колокольчик, который все забыли убрать после праздников. Мэгги забрала его после похорон. Теперь каждый декабрь вешала на свою ёлку, хотя краска с одной стороны почти стёрлась, а язычок звенел так тихо, что услышать его можно было только в полной тишине.

Фасоль с миндалём отец, насколько она помнила, не любил. Он съедал небольшую порцию, хвалил маму и после ужина искал на кухне остатки картофеля. Но мама годами готовила фасоль для него. Теперь Мэгги готовила её для мамы. Наверное, так и выглядит семейная традиция: никто уже не помнит, кто её придумал, зато все расстроятся, если однажды её нарушить.

«Я принесу салфетки», — сообщил Райан.

Мэгги уставилась на экран. Салфетки брат приносил с 2014 года. Однажды он купил пачку с чёрными летучими мышами, потому что на неё была скидка. Мама тогда сказала, что Райан молодец: не пришёл с пустыми руками. Мэгги, которая провела предыдущие два дня на кухне, с благодар-

ностью приняла салфетки и молча убрала летучих мышей в ящик.

Она повернула зеркало заднего вида к себе. Волосы выбились из наскоро заколотого пучка. На воротнике пальто прилипла крошка, под глазами лежали тени, которые обычным недосыпом уже было не объяснить. Ей был сорок один год. У неё имелись хорошая работа, квартира в ипотеку, семнадцатилетняя дочь и бывший муж, с которым они научились обсуждать школьные поездки почти без взаимных обвинений. Если смотреть со стороны, жизнь была вполне устроена.

Телефон снова загорелся. На этот раз писала Люси.

«Мам, папа зовёт меня на Рождество в Милуоки. Они с Элиз и мальчишками сняли дом. Там будет каток. Можно я поеду? Только, пожалуйста, не обижайся».

Мэгги перечитала сообщение. Потом ещё раз, медленнее. Дочь не просила денег и не уговаривала отпустить её на очередную вечеринку. Она всего лишь хотела встретить Рождество с отцом. Это было нормально. Даже хорошо: Дэниел старался, дети его новой жены приняли Люси, а Элиз никогда не давала повода сомневаться, что девочке рады.

В детстве Люси считала, что Рождество начинается там, где мама. Она просыпалась затемно, заползала к Мэгги под одеяло и шептала, что не может больше ждать. В прошлом году она попросила не выкладывать общую фотографию возле ёлки, потому что у неё «ужасное лицо». В этом году у неё появились планы, в которых Мэгги не участвовала совсем.

Мэгги написала: «Конечно, солнышко. Поезжай и повеселись. Мы с тобой устроим свой вечер заранее. Люблю тебя».

На секунду задержала палец над экраном. Можно было добавить, что ей грустно, что в доме будет слишком тихо, что она уже купила одинаковые носки с оленями, хотя Люси наверняка закатит глаза. Но дочь не должна выбирать между праздником у отца и маминым одиночеством. Мэгги отправила сообщение и положила телефон на сиденье.

Элиз была хорошей женщиной. Это раздражало больше, чем Мэгги хотелось признавать. Новая жена Дэниела не пыталась соревноваться с ней за любовь Люси, помнила дни рождения и однажды прислала Мэгги цветы с короткой запиской: «Спасибо, что помогаешь нам ладить». Мэгги три дня не могла придумать, за что её можно было бы невзлюбить. В конце концов поставила цветы на кухне и решила, что порядочность Элиз всё равно не обязывает её радоваться каждому совместному семейному празднику бывшего мужа.

Она достала ещё один крекер. Жевала, не чувствуя вкуса, пока телефон снова не завибрировал.

Мама хотела знать, видела ли Мэгги сообщения. Джесс предлагала приготовить десерт. Райан немедленно напомнил ей о прошлогоднем пироге, у которого сгорел верх и осталась сырой середина. Джесс утверждала, что духовка была неисправна. Райан прислал смеющийся значок.

Мэгги любила Джесс, особенно когда рядом не было Райана, готового превратить любую её инициативу в шутку. Пи-

рог действительно не удался, зато Джесс хотя бы пыталась что-то сделать. Райан с салфетками не рисковал никогда.

Год назад, в канун Рождества, брат позвонил Мэгги с просьбой подсказать, что подарить маме. Она нашла подходящие серьги, заказала их, забрала из магазина, завернула и подписала открытку. Райан перевёл деньги. Мама потом обняла его и сказала, что у неё невероятно внимательный сын. Мэгги в этот момент проверяла температуру индейки.

Она вдруг подумала, что даже не помнит, получила ли сама подарок в тот вечер. Кажется, свечу. Нет, свечу она купила себе сама, потому что в магазине шла распродажа.

Она открыла поле для ответа и написала: «В этом году я не буду устраивать Рождество у себя».

Добавила: «Если кто-то другой захочет всех собрать, я с удовольствием что-нибудь принесу».

И отправила, пока не начала объяснять, оправдываться и предлагать запасной план.

Телефон замолчал. На парковке хлопнула дверь соседней машины. У входа женщина поправляла ребёнку шапку, а тот уворачивался, держа в обеих руках огромную коробку с игрушкой. Мэгги успела сделать два спокойных вдоха, прежде чем переписка ожила.

«Ты заболела?» — спросила мама.

«А что случилось с квартирой?» — написал Райан.

«Мэгги, у тебя всё хорошо?» — добавила Джесс.

Позвонила Тесс.

— Скажи, что ты ещё не заказала индейку, — потребовала подруга вместо приветствия.

— С чего мне её заказывать?

— Райан звонил Грегу. По его версии, у тебя нервный срыв. Я решила уточнить, не требуется ли спасательная операция.

— Я всего лишь сказала, что не буду всех принимать у себя.

— Ваша семья реагирует на это так, будто ты продала дом и вступила в цирковую труппу.

Мэгги невольно рассмеялась.

С Тесс они дружили четырнадцать лет. Познакомились на детской площадке, где их малыши одновременно пытались съесть песок, и с тех пор поддерживали друг друга во всём: от ночных температур до развода Мэгги. Тесс знала, когда нужно пошутить, когда приехать с супом, а когда просто посидеть рядом и ничего не спрашивать.

— Ты где? — поинтересовалась она.

— На парковке магазина. Ужинаю крекерами.

— Какими?

— С розмарином.

— Хорошо. Если человек покупает крекеры с розмарином, он ещё не окончательно потерял контроль над жизнью.

Мэгги провела пальцем по краю коробки.

— Люси проведёт Рождество у Дэниела.

Тесс сразу перестала шутить.

— Она сама решила?

— Да. Они едут в Милуоки, снимают дом. Там мальчишки Элиз, каток, снег. Я сказала, что всё в порядке.

— А ты как?

Мэгги посмотрела через ветровое стекло. Мужчина с соседней парковки пытался запихнуть в багажник живую ёлку, которая была на полметра длиннее его машины. Женщина рядом показывала, под каким углом её следует повернуть. Судя по лицам обоих, переговоры продолжались давно.

— Я рада, что она хочет поехать, — сказала Мэгги. — Правда. Но я почему-то думала, что у нас осталось больше времени.

— До чего?

— До того момента, когда ей захочется отмечать праздники не со мной. Глупо звучит, да?

— Совсем нет. Мэттью вчера попросил меня больше не выкладывать его детские фотографии. Сказал, что люди увидят. Я потом двадцать минут смотрела на снимок, где ему четыре года и он одет снеговиком.

— Ты ведь сама его так одела.

— Он был очень милый снеговик.

— Он ненавидел этот костюм.

— Он ненавидел воротник. Это большая разница.

Обе засмеялись, а потом Мэгги замолчала.

— Я не знаю, что мне делать двадцать пятого декабря.

— Впервые за много лет тебе не придётся кормить двена-

дцать человек. Для начала можно просто этим насладиться.

— А если пока не получается?

— Тогда не наслаждайся. Никто не выдаст тебе штраф за неправильные чувства.

Мэгги знала, что Тесс примет её без лишних вопросов. Но к концу вечера она наверняка окажется на кухне: Грег попросит помочь найти противень, дети начнут спорить, кому достался последний кусок пирога, а свекровь Тесс сообщит, что готовый соус испортил целое поколение. Обедать в гостях Мэгги умела. Сидеть в гостях без дела — пока нет.

— Спасибо, — сказала она. — Я подумаю.

— Договорились. Какие планы на сегодняшний вечер?

— Домой. Поставлю стирку.

— Мэгги.

— Ладно. Сначала поужинаю. В морозилке есть что-то в пакете.

— Мэгги.

— Ещё надо разобрать ящик с батарейками. Он уже не закрывается.

— Я скажу ужасную вещь. Ты можешь провести вечер и ничего полезного не сделать.

— Тесс, у меня ипотека. Я не могу позволить себе такую распущенность.

— Попробуй. Вдруг понравится.

Она вспомнила небольшой кинотеатр недалеко от озера, мимо которого часто проезжала. В окнах там висели старые

афиши, а вечером над дверью загорались лампочки. Всё собиралась зайти и каждый раз находила более срочное дело.

— Может, схожу в кино, — сказала она.

— Одна?

— Пожалуй.

— Прекрасно.

— Ты не спросишь, на что?

— Нет. Я слишком счастлива, что ты хотя бы раз не собираешься разбирать батарейки.

Мэгги закончила разговор, убрала коробку с крекерами и завела машину, пока не передумала.

Кинотеатр «Нортлайт» стоял на тихой улице в нескольких кварталах от озера. Фасад старого кирпичного здания украшала светящаяся вывеска; буквы на ней слегка разнились по высоте, и это придавало месту упрямое очарование. Витрины заклеили афишами старых картин. На сегодняшнем показе значился «Магазинчик за углом».

Мэгги припарковалась, застегнула пальто и почти сразу пожалела, что не надела шапку. С озера дул ветер, способный вежливо объяснить любому, что зима в Чикаго не интересуется его планами. До кинотеатра оставалось всего несколько шагов, но она успела замёрзнуть и внезапно почувствовать себя нелепо. Женщина сорока одного года приехала одна смотреть старый фильм, вместо того чтобы решать, где её семья будет есть индейку. Если рассказать об этом Райану, он наверняка решит, что нервный срыв всё-та-

ки подтверждён.

В фойе пахло попкорном, влажными пальто и корицей. Возле лестницы стояла небольшая ёлка с бумажными звёздами и пожелтевшими билетами вместо игрушек. Одна звезда висела криво. Мэгги машинально прикинула, сколько секунд потребуется, чтобы её поправить, и твёрдо пошла дальше.

За стойкой мужчина в тёмно-синем свитере пытался заставить аппарат выдавать попкорн в нужный стакан, а не на пол. Ему было около сорока пяти. Тёмные волосы с сединой у висков, закатанные рукава, маленькая царапина на руке. Он поднял глаза и увидел Мэгги.

— Добрый вечер. Вам билет?

— Да, на сегодняшний фильм.

— Отлично. А то в прошлую субботу один посетитель купил билет только потому, что ему срочно понадобился туалет.

— И как, не пожалел?

— Оставил нам хороший отзыв. Мы им очень дорожим.

Она улыбнулась. Мужчина тоже, без того старательного обаяния, за которым обычно чувствуется желание что-то продать.

— Девять долларов, — сказал он. — Начало через шесть минут.

Мэгги протянула карту и неожиданно для себя спросила:

— А попкорн у вас хороший?

— Зависит от того, с чем сравнивать. Если с кинотеатра-

ми поблизости, то очень. Если с ужином, который вам приготовит хороший повар, я бы понизил ожидания.

— Сегодня мне не приготовит никто.

— Тогда у нас есть преимущество.

Он кивнул на два размера стаканов.

— Маленький или большой?

— А какой лучше?

Мужчина взглянул на неё внимательнее, но не назойливо.

— Маленький берут люди, которые просто пришли в кино. Большой обычно нужен тем, у кого был тяжёлый день.

— Есть что-нибудь ещё больше?

— Настолько тяжёлый?

— Семейная переписка перед Рождеством.

Он молча взял большой стакан.

— Масла побольше? — спросил он.

— Вы читаете мысли.

— Нет. У нас просто много семейных людей в декабре.

Он насыпал попкорн, прикрыл стакан крышкой и передал ей. Мэгги осторожно подхватила его обеими руками.

— Спасибо.

— Я Джек, кстати.

— Мэгги.

— Приятного просмотра, Мэгги.

Она уже повернулась к залу, когда Джек негромко добавил:

— Простите, у вас на рукаве наклейка.

Мэгги посмотрела вниз. К манжете её пальто прилип жёлтый ярлык со склада. На нём крупно значилось: «ХРУПКОЕ. ОБРАЩАТЬСЯ ОСТОРОЖНО».

Она сорвала наклейку и вздохнула.

— Это с работы. У нас сегодня потеряли голову оленя.

Джек на мгновение замер.

— Не буду задавать вопросов, пока вы не уточните, настоящего или декоративного.

— Декоративного. Его голова в Огайо.

— А сам олень?

— Здесь. И я отвечаю за то, чтобы они встретились до открытия торгового центра.

— Значит, всё-таки романтическая история.

Мэгги рассмеялась громче, чем собиралась.

— Только без счастливого конца, если водитель снова перепутает склад.

За её спиной раздалось возмущённое покашливание. Пожилая женщина в зелёном пальто держала два билета.

— Молодой человек, у вас на одно место продано два билета. Я не собираюсь сидеть у кого-то на коленях.

Джек посмотрел на билеты, извинился и открыл схему зала. Женщина продолжала сердиться, за её плечом уже собиралась небольшая очередь. Мэгги по привычке чуть не предложила помощь: она знала, как быстро разобраться с двойным бронированием, где найти резервные места и что сказать, чтобы посетитель перестал повышать голос.

Но Джек не растерялся. Он спокойно предложил женщине кресло в том же ряду, а за неудобство выдал бесплатный чай. Та ещё пару секунд собиралась спорить, потом спросила, будет ли чай с лимоном, и ушла в зал вполне довольная.

— Прошу прощения, — сказал Джек, возвращаясь к стойке. — Теперь точно приятного просмотра.

— У вас хорошо получается успокаивать людей.

— Не всегда. Иногда я спорю с аппаратом для попкорна. Сегодня он победил дважды.

— Я заметила следы сражения.

Он посмотрел на пол и вздохнул.

— Спасибо, что не написали отзыв.

В зале было тепло. У прохода пара лет шестидесяти делила бумажный пакет конфет, девушка рядом держала стакан какао двумя ладонями, будто грелась об него. На сцене висел тёмный занавес, слегка потёртый по краям. Мэгги выбрала место посередине ряда, положила пальто на соседнее кресло и достала телефон.

Мама просила перезвонить. Райан сообщал, что готов сам купить продукты, если проблема только в этом. Люси прислала сердечко и написала: «Спасибо, мам. Ты лучшая».

Мэгги улыбнулась последнему сообщению. Дочь говорила так и после покупки новых кроссовок, и когда ей разрешали остаться ночевать у подруги. Теперь она благодарила маму за то, что та не сделала из её поездки семейную драму. И всё же Мэгги вдруг захотелось обнять её так крепко, как в те

времена, когда Люси ещё позволяла это при друзьях.

Она отправила дочери сердечко, выключила звук и убрала телефон в сумку.

Свет погас. На экране появился старый чёрно-белый фильм, который Мэгги когда-то смотрела с отцом. Первые несколько минут она не могла сосредоточиться: думала, кому достанется праздничный ужин, сколько денег ещё нужно потратить на подарки, заказать ли маме те свечи, которые она любит. Потом поймала себя на том, что снова составляет чужой список дел, хотя официально отказалась от этой должности меньше часа назад.

Она взяла горсть попкорна и заставила себя посмотреть на экран.

Постепенно герои фильма вытеснили из головы недостающие продукты и семейные сообщения. Мэгги начала следить за их разговорами, потом смеяться, а однажды засмеялась так громко, что женщина впереди обернулась. Мэгги уже приготовилась извиниться, но незнакомка только улыбнулась и снова повернулась к экрану.

Когда-то отец смотрел этот фильм вместе с ней на старом диване. Он неизменно засыпал примерно на середине, а проснувшись, уверял, что слышал каждое слово. Мэгги наизусть знала его возмущённое «Я не спал!» и сейчас неожиданно вспомнила не столько лицо отца, сколько звук его голоса. От этого защипало в носу. Она вытерла глаза рукавом и продолжила смотреть.

К концу сеанса большой стакан оказался почти пустым. Мэгги даже не заметила, как съела столько попкорна. Она вышла из зала вместе с остальными зрителями, прислушиваясь к их разговорам. Один мужчина утверждал, что фильм вообще нельзя считать рождественским. Его спутница посмотрела на него с таким разочарованием, словно он признался, что тайно выбрасывает ёлочные игрушки.

Джек стоял у выхода с совком в руках и собирал бумажки, рассыпанные кем-то на ковёр.

— Ну как? — спросил он, увидев её.

— Если вы о попкорне, то я совершила ошибку и не оставила вам ни крошки.

— Для нас это скорее комплимент.

— А фильм я когда-то смотрела с папой, — сказала она прежде, чем успела решить, стоит ли вообще говорить об этом незнакомому человеку.

Джек перестал сгребать бумажки.

— Хорошее воспоминание?

— Очень. Он всегда засыпал в середине и потом спорил, что ничего не пропустил.

— Мой отец так смотрит футбол. До сих пор может проснуться на последней минуте и заявить, что судья испортил весь матч.

Мэгги улыбнулась.

— У моего это тоже получалось.

Джек не стал расспрашивать и вернулся к своему совку.

Мэгги задержалась у выхода.

— Вы здесь каждый вечер? — спросила она.

— Почти. Я обещал себе нанять помощника, но пока только обещаю. Я руковожу кинотеатром, а в декабре иногда подменяю всех подряд.

— Я работаю с праздничным оформлением магазинов. Мы, кажется, коллеги по сезонным бедствиям.

— Тогда сочувствую. У вас хотя бы у зрителей нет привычки требовать, чтобы олень приехал с головой?

— Вы очень недооцениваете наших заказчиков.

Джек улыбнулся и кивнул в сторону афиши.

— По четвергам у нас показывают старые фильмы. На следующей неделе будет ещё один.

— Это приглашение?

— Это сообщение о расписании, — ответил он с серьёзным видом. — Но я мог бы подобрать к нему подходящий размер попкорна.

— Надеюсь, маленький.

— Буду считать это хорошим знаком.

— До четверга, возможно, — сказала Мэгги.

— Возможно, — согласился он. — Надеюсь, олень к тому времени будет цел.

— Это было бы рождественское чудо.

На улице шёл мелкий колючий снег. Мэгги быстро дошла до машины, поставила пустой стакан на пассажирское сиденье и включила обогрев. Телефон завибрировал почти сразу.

Мама снова просила позвонить, потому что волновалась.

Вместо звонка она написала: «Мам, всё хорошо. Я не заболела и с квартирой ничего не случилось. Просто в этом году мне тоже хочется прийти на Рождество в гости, а не готовить его для всех. Давай поговорим завтра. Люблю тебя».

Ответ пришёл через минуту.

«Хорошо, дорогая. Я тоже тебя люблю».

Она достала из кармана маленький жёлтый ярлык, который машинально сунула туда у стойки кинотеатра, и разгладила его. «ХРУПКОЕ. ОБРАЩАТЬСЯ ОСТОРОЖНО». Дурацкая надпись. Даже смешно, что она проходила с ней целый день и никто не заметил, кроме незнакомого мужчины по имени Джек.

Мэгги приклеила ярлык к пустому стакану из-под попкорна. Завтра утром она, наверное, выбросит и стакан, и наклейку. Сейчас же оставила их рядом. Просто потому, что захотела.

В памяти почему-то снова возникли синие рукава свитера, рассыпанный по полу попкорн и слова о следующем четверге. Мэгги улыбнулась, завела двигатель и выехала с парковки.

Голова оленя всё ещё была в Огайо. Утром ей предстояло вернуть её в Чикаго. Но ни индейка, ни картошка, ни семейное Рождество в список завтрашних рабочих задач не входили.

Глава 2. Салфетки и другие семейные обязательства

В пятницу в семь двадцать утра Мэгги обнаружила, что её отказ устраивать Рождество пережил ночь, но не потерял популярности.

Семейный чат успел получить тридцать семь новых сообщений. Последнее было от Райана: «Я, конечно, не против помочь, но нам надо понять, кто за что отвечает».

Мэгги стояла на кухне в одной тапочке и держала телефон над чашкой с кофе. Вторую тапочку она потеряла где-то между спальней и холодильником. В последнее время у неё складывалось впечатление, что вещи уходят из дома небольшими группами и никого не предупреждают.

— У тебя лицо такое, будто кто-то умер, — заметила Люси.

Дочь сидела за столом в толстовке, которую Мэгги уже месяц считала пропавшей, и ела хлопья прямо из коробки. Рядом лежали учебник, расческа и один носок. Ни один из этих предметов, похоже, не имел отношения к завтраку.

— Никто не умер. Райан решил распределить обязанности.

— Дядя Райан? Наш?

— У нас других нет.

— Тогда соболезную.

Мэгги отыскала вторую тапочку под батареей и поставила чашку на стол.

— Ты вчера поздно вернулась, — сказала Люси. — Я слышала дверь. Где была?

— В кино.

Дочь подняла глаза.

— Одна?

— Да.

— Ты поссорилась с Тесс?

— Почему, если я пошла в кино одна, это обязательно значит, что я с кем-то поссорилась?

Люси подумала.

— Потому что обычно ты не ходишь никуда одна. Ты даже в магазин зовёшь меня, если нужно купить лампочки.

— Вчера я ходила совершенно самостоятельно. Купила билет, попкорн. Посмотрела фильм. Никого не заставляла выбирать между двумя видами лампочек.

— Звучит подозрительно.

Мэгги отпила кофе. Он был горячим и крепким. Редкий случай, когда утро сразу предложило что-то хорошее.

Люси потянулась к пустому стакану из-под попкорна, который Мэгги оставила на кухонной стойке. На стакане криво держалась складская наклейка.

— «Хрупкое. Обращаться осторожно». Это тебе кинотеатр выдал?

— На работе прилипло.

— Хорошее описание мамы в декабре.

— Спасибо, солнышко.

— Я не в плохом смысле.

— Слушай, — начала Люси, водя пальцем по краю коробки, — ты точно не против Милуоки?

— Точно.

— Ты вчера ответила очень быстро.

— А должна была составить заявление в трёх экземплярах?

— Мам.

— Мне будет тебя не хватать, — призналась Мэгги. — И я немного грущу. Но это не значит, что ты должна отказываться от поездки.

Дочь кивнула, не сразу.

— Я просто не хочу, чтобы ты сидела одна и думала, что тебя все бросили.

— Если я захочу побыть одна, я смогу с этим справиться, — сказала Мэгги. — А если нет, позвоню Тесс. Или устрою себе большой ужин, который не придётся ни с кем делить.

— Ты даже пиццу разрезаешь на восемь кусков, когда ешь одна.

— Это называется цивилизация.

— Это называется привычка кормить всех вокруг.

Мэгги не нашлась с ответом.

Люси достала телефон.

— Мы можем сделать наше Рождество раньше? Только без большого ужина. И без того, чтобы ты всю ночь что-то готовила.

— Я думала, испеку твой любимый пирог.

— Вот именно.

— Что?

— Ты спрашиваешь, как я хочу провести вечер, а потом сразу решаешь печь пирог. Я бы лучше куда-нибудь с тобой сходила.

Мэгги хотела возразить, что пирог совсем несложный. Для теста требовалось всего четыре ингредиента, если не считать начинку, глазурь и два часа у духовки. Она вовремя остановилась.

— Куда?

— Не знаю. Может, опять в кино? Ты же теперь у нас специалист по самостоятельным развлечениям.

— Ещё сутки назад я им не была.

— Учишься быстро.

— Договорились. Выберем вечер до твоей поездки.

— Двадцать второго? У меня потом всё занято.

— Даже страшно спрашивать чем.

— Жизнью, мам.

— В семнадцать лет она, конечно, требует плотного расписания.

— Наконец-то ты поняла.

Люси захлопнула коробку с хлопьями, схватила рюкзак и

чмокнула Мэгги в щёку. Уже у двери вернулась, чтобы забрать свой одинокий носок со стола.

— И мам?

— Что?

— Ты правда молодец, что отказалась готовить на всех. Я думала, ты никогда этого не сделаешь.

Дверь закрылась.

В девять пятнадцать на работе все обсуждали голову оленя.

— Она выехала из Огайо в половине третьего ночи, — сообщила Нина, младшая координаторша проектов, с видом человека, наблюдающего за запуском космического корабля. — По последним данным, груз уже в Индиане.

— Её сопровождают полицейские? — спросила Мэгги.

— Нет.

— Тогда откуда такой торжественный тон?

— Если она доберётся до нас, я собираюсь взять отгул.

На столе у Мэгги лежали образцы искусственной хвои, две накладные и кружка, в которой кофе был уже третьим по счёту. За окном город выглядел серым и влажным. Вчерашний снег не продержался даже до утра. Чикаго готовился к Рождеству с тем же настроением, с каким большинство людей готовится к визиту стоматолога: неизбежно, дорого и желательно побыстрее.

— Клиент хочет фотографии оленя в сборе к понедельнику, — сказала Нина. — Я могу приехать завтра, если груз

задержится.

Мэгги чуть не предложила приехать в субботу вместе с Ниной.

— Подождём подтверждения доставки, — произнесла она вместо этого. — Если голова не придёт сегодня, перенесём сборку и согласуем с клиентом новый срок. Не обязательно всем выходить в субботу.

Нина удивлённо посмотрела на неё.

— Правда?

— Думаешь, заказчик обрадуется, если мы будем двенадцать часов смотреть на грузовик, который всё равно не приехал?

— Нет. Просто ты обычно говоришь, что мы справимся.

— Мы и справимся. Но желательно в рабочее время.

К полудню голова оленя добралась до Чикаго. Около часа дня выяснилось, что её выгрузили не на том складе. Ещё через сорок минут водитель признал ошибку, а к трём Нина прислала фотографию: деревянный ящик, открытый посреди монтажного цеха, и торчащая из него морда с совершенно безмятежным выражением.

«Прибыл», — подписала она.

«Спросите, как провёл время в Огайо», — ответила Мэгги.

К четырём голова оленя была на месте: крепления подошли, рога уцелели, подсветка заработала. Мэгги отправила заказчику фотографии и закрыла рабочую почту.

В четыре десять позвонил Райан.

— Я взялся за Рождество, — объявил он.

— Поздравляю. Тебя уже можно назначать национальным героем.

— Очень смешно. Джесс говорит, что мы можем собрать всех у нас, но есть нюансы.

— Разумеется.

— У нас всего восемь одинаковых тарелок.

— А людей сколько?

— Двенадцать. Может, тринадцать. Тётя Каролин пока не ответила.

— Понятно.

Пауза затянулась. Мэгги понимала, чего он ждёт: сейчас она предложит привезти свой сервиз, распишет, кому какие приборы положить, найдет складной стол и заодно предложит меню. В голове уже возникал список. Он был таким ясным, что оставалось открыть заметки и записать.

— В магазинах продают тарелки, Райан, — сказала она.

— Я в курсе.

— Можно взять разные. Это разрешено законом.

— Ты всегда всё организовывала. Я не представлял, сколько тут мелочей.

Слова прозвучали без упрёка. Мэгги присела на край стола, неожиданно рассердившись.

— А ты думал, картошка сама запекается, пока я встречаю гостей?

— Нет, но…

— Ты ведь столько лет просто приходил к накрытому столу, Райан.

— Я понял, — ответил Райан после паузы. — Джесс вчера почти то же самое сказала, только другими словами.

— Райан, не перекладывай всё на неё.

— Я не перекладываю.

— Тогда что лично ты собираешься сделать?

— Я нашёл два складных стола у соседа. И поеду за тарелками. И сам приготовлю картошку, если ты пришлёшь рецепт.

Мэгги помолчала.

— Рецепт лежит у мамы в синей папке. Там же записано, в какой последовательности всё ставить в духовку.

— Ага. Спасибо.

— И ты можешь спросить Джесс, чего она хочет. Может, ей не нужна картошка по маминому рецепту.

— Мне кажется, мама обидится.

— Мама пережила два переезда, твоё увлечение барабанами и наш с Дэниелом развод. Думаю, без картошки она тоже выживет.

Райан рассмеялся.

— Помнишь, как я в старших классах играл на барабанах?

— Наши соседи помнят до сих пор.

— Слушай, Мэг. Я правда не знал, что это всё на тебе так висело.

— Теперь знаешь, — сказала она.

— Да. Ладно. Разберёмся.

— Разберётесь.

Тесс ответила на сообщение почти сразу.

«Райан впервые в жизни покупает тарелки. Мир к этому не готов».

Мэгги засмеялась, но следующее сообщение подруги оказалось неожиданно серьёзным.

«А если у них всё получится без тебя, ты будешь рада?»

Мэгги начала печатать «конечно», остановилась и стёрла ответ.

«Пытаюсь понять», — написала она.

Тесс прислала одно короткое слово: «Верю».

Домой Мэгги поехала не сразу. Люси ещё утром предложила устроить их собственный вечер двадцать второго декабря, и Мэгги решила купить билеты, пока дочь не передумала. На сайте «Нортлайта» праздничное расписание открывалось, но на нужную дату висело объявление, что билеты можно приобрести только в кассе. Она дважды прочитала строку, пытаясь понять, не слишком ли удобно всё складывается.

Увидеть Джека ей хотелось, хотя повода обсуждать это с собой она не находила.

Но причина пойти туда у неё была настоящая. Люси любила старые романтические фильмы, хотя обычно утверждала, что все герои в них ведут себя неразумно и любой кон-

фликт решился бы одним сообщением. Мэгги хотела провести с дочерью хороший вечер. Остальное можно было не анализировать.

К шести она припарковалась на знакомой улице. На этот раз снег не шёл, зато ветер от озера пытался вырвать из рук сумку. У дверей кинотеатра мужчина в серой шапке сражался с гирляндой. Половина лампочек горела, другая половина висела тёмной полосой вдоль вывески.

Мэгги остановилась. Она прекрасно знала, где, скорее всего, отошёл контакт. Даже потянулась к сумке за телефоном, чтобы подсветить провод. Потом вспомнила, зачем приехала, и вошла внутрь.

За стойкой работала девушка с короткими рыжими волосами. Джек разговаривал с пожилой женщиной возле расписания. Та держала в руке билет и очень сердито на него смотрела.

— Я смотрела этот фильм с мужем в шестьдесят восьмом, — говорила она. — И могу совершенно точно утверждать, что там не было никакого дополнительного показа.

— Тогда я вам верю, миссис Голд, — сказал Джек. — Но нынешнее расписание всё-таки составлял я, а не ваш муж.

— Гарри составлял бы лучше.

— Вполне возможно. Он любил спорить со мной о порядке сеансов.

Женщина вздохнула, достала из сумки бумажный пакет и сунула ему в руки.

— Печенье. Только не ешь всё сразу. А то снова забудешь пообедать.

— Постараюсь.

Она ушла к залу. Джек посмотрел на пакет, покачал головой и только тогда заметил Мэгги.

— У оленя всё ещё нет головы? — спросил он.

— Уже есть. Вернулась домой после насыщенного путешествия. Семья счастлива.

— Я рад за них. Значит, наконец можно вздохнуть спокойно.

— До следующего оленя.

Он рассмеялся.

— Сегодня вы на сеанс?

— Пока только за билетами. Мы с дочерью хотим прийти двадцать второго декабря.

— Хороший выбор. У нас будет «Пока ты спал».

— Правда?

— Да. Не самый современный взгляд на то, как начинать отношения, но Чикаго в этом фильме прекрасен.

— Моей дочери семнадцать. Она наверняка спросит, почему все персонажи просто не могут нормально поговорить.

— Справедливый вопрос. Хотя тогда фильм закончился бы через двадцать минут.

Мэгги улыбнулась.

— Два билета, пожалуйста.

Он отвёл её к кассе. Девушка за стойкой передала ему

лист с бронированиями, а сама ушла помогать посетителям у входа. Джек быстро проверил места.

— Можем предложить вам середину седьмого ряда. Обычно там никто не жалуется на шею.

— Берём. Если дочь решит, что местоположение неудачное, я направлю её к вам.

— Я готов. У меня есть опыт переговоров с людьми, которым обещали седьмой ряд, а достался восьмой.

Она оплатила билеты. Пока аппарат печатал чек, Джек поставил на стойку пакет с печеньем.

— Хотите? Миссис Голд убеждена, что я питаюсь исключительно попкорном.

— А это неправда?

— Я ещё ем печенье миссис Голд.

Мэгги взяла одно. Оно было неровным, с большим куском шоколада посередине.

— Не боитесь, что она спросит, сколько вы съели?

— Она спросит. Поэтому мне нужна помощь свидетелей.

За стеклом входной двери мужчина в серой шапке снова поднял гирлянду, но та немедленно провисла.

— У вас снаружи провод отошёл, — сказала Мэгги, прежде чем успела остановиться.

Джек обернулся к двери.

— Да. Половина вывески работает, половина изображает вечернюю депрессию. Мы вызвали электрика.

— Я могу просто посмотреть, где проблема. Это моя ра-

бота.

— А моя работа — следить, чтобы покупатели билетов не лазали к уличным проводам.

— Я не собиралась лазать. Я бы вам подсказала.

— Вы уже подсказали, — сказал он. — И я благодарен. Но пусть электрик заработает свои деньги.

Мэгги прикусила ответ. У неё уже был готов совет, где проверить контакт, а Джек даже не дал договорить.

— У вас очень принципиальный подход к гирляндам.

— К электричеству, — уточнил Джек. — И к посетителям. Я предпочитаю, чтобы они уходили отсюда с хорошими впечатлениями, а не с ожогами.

Она посмотрела на него и вдруг рассмеялась.

— Хорошо. Убедили.

— Получается, за два вечера я продал вам билеты, попкорн и убедил не чинить мою вывеску. У меня неплохая неделя.

— Не обольщайтесь. Я ещё могу оставить отзыв.

— Только не упоминайте туалет. Нам хватает одной звезды за него в интернете.

Джек взял напечатанные билеты и протянул ей.

— А вы? — спросил он. — После вчерашнего вечера хотя бы немного отдохнули?

— Отдохнула. Потом моя семья проснулась и решила обсудить, кто теперь будет готовить Рождество.

— Вы собирались готовить?

— Обычно собираюсь. Вчера объявила, что в этом году отказываюсь.

— И как приняли?

— Пока выясняют, не заболела ли я и не разрушилась ли моя квартира.

Мэгги провела большим пальцем по краю билета.

— Я думала, будет проще. Всю жизнь говорила, что хочу хотя бы раз ничего не организовывать. А сегодня брат взялся за праздник, и я полдня переживала, что он купит неправильные тарелки.

— А есть правильные?

— Конечно. Достаточно большие для еды и достаточно одинаковые, чтобы мама не решила, что у нас семейный кризис.

— Звучит как непростая задача.

— Особенно если человек до этого двенадцать лет приносил только салфетки.

Джек широко улыбнулся.

— Полагаю, речь о вашем брате.

— У него богатая история достижений.

— Вы ведь сказали, что по четвергам показываете старое кино, — вспомнила она.

— Да. На следующей неделе будет «Квартира».

— Не самый беззаботный фильм для декабря.

— У нас не все фильмы беззаботные. Иногда люди приходят сюда, чтобы немножко погрустить за чужой счёт.

Мэгги усмехнулась.

— Я пока не решила, люблю ли я грустить в компании.

— Не обязательно решать сегодня.

В фойе вошла молодая пара, стряхивая с пальто мокрый снег, которого, казалось, не должно было быть. Джек повернулся к ним, извинившись одним взглядом.

— Спасибо за билеты, — сказала Мэгги.

— Приходите с дочерью. И если вдруг решите заглянуть в четверг, большая порция попкорна всё ещё в меню.

— Возможно, в этот раз мне хватит маленькой.

— Будем надеяться.

Дома Люси сидела на полу в гостиной и раскладывала фотографии для школьного проекта. На журнальном столике стоял стакан с недопитым соком, а рядом лежали три открытые ручки. Мэгги остановилась в дверях.

— Если это новая система хранения, я не готова её обсуждать.

— Это временно.

— В нашей семье всё временно. Кроме твоих вещей на полу.

Люси подняла голову.

— Ты купила билеты?

Мэгги достала из сумки два прямоугольника плотной бумаги и протянула дочери.

Та прочитала название фильма, затем время и вдруг улыбнулась так широко, как давно уже не улыбалась вещам, ко-

торые предлагала мать.

— «Пока ты спал»? Серьёзно? Я его обожаю.

— Ты в прошлом году сказала, что героиня ведёт себя совершенно нелепо.

— Так и есть. Но я его обожаю. Это разные вещи.

Мэгги присела рядом на ковёр.

— Двадцать второго только мы с тобой. Потом поедим где-нибудь, где никто из нас не отвечает за посуду.

— И ты не будешь всю дорогу писать по работе?

— Постараюсь.

— Мама.

— Не буду.

Люси протянула мизинец. В детстве она часто требовала таким способом скреплять обещания. Мэгги подцепила его своим. Потом дочь вдруг обняла её, прижалась щекой к плечу и отпустила прежде, чем Мэгги успела как следует обнять в ответ.

— Спасибо, — сказала Люси. — Я думала, ты захочешь устроить маленькое Рождество дома, с двенадцатью видами печенья и одинаковыми салфетками.

— Не давай мне идей.

Телефон в кармане Мэгги завибрировал. Она вытащила его, уверенная, что снова пишет Райан, но на экране появилось сообщение от мамы.

«Райан попросил мой рецепт картошки. Представляешь? Кажется, он и правда всё делает сам».

Через секунду пришло ещё одно:

«И я подумала: может, в этом году обойдёмся без фасоли? Я её никогда особенно не любила».

Мэгги перечитала обе строчки. Потом засмеялась так неожиданно, что Люси отодвинулась.

— Что случилось?

— Бабушка не любит фасоль.

— Это новость?

— Для меня — да. Очень большая.

— Я думала, её никто не любит.

Она написала маме: «Без фасоли. Обещаю».

Потом убрала телефон и вернулась к дочери. Та уже рассказывала, как на уроке истории один мальчик перепутал фамилии двух президентов и попытался убедить учительницу, что это она неправильно помнит. Мэгги слушала, задавала вопросы и даже не подумала проверить рабочую почту.

Два билета на двадцать второе декабря Мэгги положила на холодильник под магнит, чтобы Люси не потеряла их среди школьных фотографий.

Глава 3. Один билет и два кофе

В субботу утром Тесс уже сидела за столиком у окна. Перед ней стояли две чашки, тарелка с булочкой и пакет из книжного магазина. Она была в красном свитере с оленем, который держал бокал вина.

— Купила специально для декабря? — спросила Мэгги, снимая пальто.

— Грег подарил. Видимо, считает, что знает меня.

— По-моему, он угадал.

— Только с оленем. С размером промахнулся, но я решила, что это его проблема, а не моя.

Мэгги села. Тесс пододвинула к ней вторую чашку.

— Ты выглядишь отдохнувшей. Что случилось?

— Ничего.

— Я всю неделю работала.

Мэгги попробовала кофе. Он оказался обжигающим.

— Райан купил тарелки.

— Слышала. Грег сообщил это за завтраком с такой гордостью, словно Райан самостоятельно вырастил пшеницу и испёк хлеб.

— Не издевайся. Для него это большой шаг.

— Я и не издеваюсь. Просто иногда завидую мужчинам. Они покупают тарелки один раз в жизни и получают общественное признание. Я вчера заказала подарок свекрови, за-

писала Мэттью к зубному и договорилась о ремонте сушилки. Грег сказал, что у меня всё под контролем, и спросил, есть ли дома молоко.

— А ты что ответила?

— Что молоко в холодильнике. И ещё сказала, где именно. Сама себя услышала и захотела выйти из комнаты.

— Ты сказала ему, что устала?

— Сказала. Он предложил в воскресенье приготовить завтрак.

— Это же хорошо.

— Конечно. Только потом спросил, что у нас есть для завтрака и куда я убрала сковороду.

Они переглянулись и засмеялись. Тесс отломила кусок булочки.

— Не хочу превращать его в злодея, — сказала она. — Он хороший муж. Просто иногда мне хочется, чтобы он видел квартиру так же, как видит её моя мама: с первого взгляда замечал всё, что необходимо сделать.

— Твоя мама находит, что необходимо сделать, даже в пустом гостиничном номере.

— Вот поэтому я её и боюсь.

Они помолчали, наблюдая, как на улице мужчина пытался одной рукой удержать стакан кофе, а другой натянуть шапку на ребёнка. Малыш возмущённо отталкивал шапку и тянулся к стакану. Мужчина в конце концов остановился и поставил кофе на подоконник, чтобы освободить обе руки. Шапка

победила не сразу, но победила.

— Ладно, — сказала Тесс. — Теперь расскажи про кинотеатр.

Мэгги чуть не подавилась.

— Что рассказать?

— Ты дважды за сутки ездила в одно и то же место. А я знаю тебя достаточно давно, чтобы понимать: просто так ты даже хороший хлеб дважды подряд не покупаешь.

— Второй раз я ездила за билетами для Люси.

— И всё?

— А что должно быть ещё?

Тесс положила булочку на тарелку и посмотрела на неё с таким терпением, что Мэгги захотелось немедленно сменить тему.

— Там работает мужчина, — призналась она.

— Ага.

— Ничего особенного. Продаёт билеты. Руководит кинотеатром. Шутит про попкорн.

— Как зовут?

— Джек.

— Фамилия?

— Не знаю.

— Сколько лет?

— Примерно нашего возраста.

— Кольцо?

— Тесс, я покупала билеты, а не проводила допрос.

— Обычно ты успеваешь выяснить у продавца кофемашины, где он учился и сколько у него детей.

— Это было один раз. Он сам заговорил про школу.

— В четверг будет старое кино, — произнесла Мэгги после паузы. — Думаю, пойду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.